

Священномученик Аркадий Гаряев[1] **1/14 июля**

*(последнее место служения — Николаевская церковь
села Боровского Камышловского уезда)*

Священномученик Аркадий Гаряев родился 16 января 1878 года в Верхне-Туринске, в семье священника Николая Алексеевича Гаряева, который служил в храме Святителя Николая Чудотворца Верхне-Туринского завода, и жены его, Марии Ивановны. В семье, отличавшейся глубокой верой и благочестием, было семеро детей: Мария, Анна, Елизавета, Аркадий, Ксения, Зинаида, Виктор. В 1887 году отца Николая переводят настоятелем Покровского храма в село Горный Щит и назначают на должность благочинного 3-го округа Екатеринбургского уезда.

В десять лет Аркадий поступил в Екатеринбургское духовное училище. Учился Аркадий, как значится в Клировой ведомости, на содержании отца. Одноклассником Аркадия и одним из лучших учеников в классе был Павел Бажов, будущий великий уральский писатель, но, к прискорбию, отрекшийся от веры, активный участник печально известного своей жестокостью полка Красных орлов и автор более пятидесяти антирелигиозных статей.

Аркадий же учился не очень хорошо, числился в третьем, самом низшем разряде учеников, а в третьем классе училища имел задолженность по греческому языку и был оставлен на второй год.

Закончив Екатеринбургское духовное училище в 1895 году, Аркадий поступил в Пермскую духовную семинарию, но через полтора года ушел оттуда, как значится в документах, «по болезни».

С 30 июня 1897 года Аркадий Гаряев стал служить псаломщиком в селе Покровском Екатеринбургского уезда при Покрово-Богородицкой церкви, 14 марта 1898 года он был переведен на должность псаломщика в Свято-Троицкую церковь Каменского завода Камышловского уезда, а через год, 8 июля 1899-го, был посвящен в стихарь. Настоятелем в Свято-Троицком храме и благочинным 2-го округа был протоиерей Василий Владимирович Победоносцев, в 1918 году принявший мученическую кончину.

Здесь, в Каменском заводе, отец Аркадий женился на Агриппине Евгеньевне, которая 25 мая 1903 года подарила ему первенца. Сына назвали Михаилом, а 10 марта 1905 года у них родился второй сын — Николай.

В 1905 году 10 апреля в Крестовоздвиженской церкви Екатеринбурга состоялось рукоположение Аркадия Гаряева в сан диакона. Рукополагал его епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир (Соколовский-Автономов)^[21]. Отца Аркадия оставили служить в Свято-Троицкой церкви Каменского завода на той же должности псаломщика.

В 1906 году Аркадий Николаевич был определен законоучителем в земское училище в деревню Ново-Заводскую в пяти километрах от Каменского завода.

В 1907 году отец Аркадий был рукоположен в сан иерея и определен на службу в церковь Петра и Павла села Петропавловского[2]. Здесь он продолжил преподавать Закон Божий в местном земском училище и начал миссионерскую деятельность по просвещению вогул[3].

Приход церкви Петра и Павла занимал большую территорию в Екатеринбургской епархии, часть деревень, приписанных к нему, находилась более чем в ста верстах от Петропавловского села. Жизнь в этих краях была тяжелой. Экономическая отсталость, пережитки язычества, поголовное пьянство местных жителей, суровые климатические условия, территориальная разобщенность и отсутствие дорог — все это казалось непреодолимыми препятствиями. Требовалось немало мужества, терпения, физической выносливости, чтобы, преодолевая все невзгоды, проповедовать слово Божие. Об этом свидетельствует, например, одна из поездок, описанная самим отцом Аркадием.

«23 апреля 1908 года я, священник, со своим псаломщиком, должен был поехать с Пасхой в одну из ближайших деревень своего прихода, отстоящую от приходской церкви за 33 версты зимою и 47 верст весною, так как нужно ехать туда круглым путем.

В 6 часов утра два псаломщика привели ко мне лошадь и оседлали мою, и мы выехали. Целые месяцы, которые мы не ездили верхом... дают о себе знать, манера посадки потерялась, сидеть неудобно, ноги и спина скоро устали, какая-то тупая боль появилась

в них. Погода убийственная, дождь сеет как из сита, не переставая ни на минуту, лошади не идут в грязь, которая на лесной тропе им по колени, жмутся к лесу и обливают нас целыми потоками воды, которую стряхивают с деревьев. Холодно, одежда вся до нитки промокла, дождь не перестает, а обсушиться негде, нужно обязательно проехать 15 верст до заброшенной лесной избушки, где у огонька можно хоть обогреться немного и попить чаю.

Сойти с лошади и согреться, идя пешком, нет возможности, рискуешь увязнуть в грязи, сидишь, стараясь не шевелиться, чтобы не расшевелить затекших спины и ног. Часа через четыре видим желанную избушку... <...> Место открытое, ветер холодный, пронизывающий, рвет и мечет... лошади дрожат какой-то нездоровой дрожью. Наконец чай готов, он грязного цвета... но мы пьем, обжигаясь и наспех закусывая размокшим от дождя хлебом. <...>

Лес глухой, неприветливый, дикий, дорога незнакомая, едем наугад, отдавшись на полную волю лошадей... <...> Опять пошли открытые места — курени, еще холоднее стало, и лошади пошли осторожней, выбирая из массы тропинок ту, которая им кажется более верной, ведущей к жилью, и мы не мешали им в этом. <...> Но вот и... жилая казарма зырян-дроворубов, перед ней „козлы“, на некоторых дымятся... походные котелки с горячим варевом. <...> Но заплатить у нас за обед нечем, а есть из милости стыдно. Двигаемся дальше... <...>

Темно, хоть глаз выколи, дороги не видать, но уже не сомневаемся, что лошади могут сбиться, так как мы сроднились с ними одинаковым болезненным желанием отдыха и тепла. Изредка соскакиваешь с седла и бежишь впереди лошади, но жилы в ногах до того натружены, что бежать больно, садишься, и опять холод. За версту перед деревней нас вдруг остановила речка, которая от сильного дождя поднялась и разбросала мост. Бывалая лошадь спутника... не дожидаясь понукания, кинулась в воду, и мой спутник... выбитый из седла, выкупался в ледяной воде. Я усидел на своей лошади, но чувство, которое овладело мной... было до того тягостно, что я был [бы] более доволен, если бы выкупался сам. Кое-как влез мой несчастный С-й Н-ч в седло, и мы понеслись. Это была бешеная скачка, и долго мне не забыть ее, не забыть потому, что смерть я увидел тогда перед собою неприкрытую, голую, ужасную...»[4].

В Петропавловском селе отец Аркадий прослужил два года, а 21 декабря 1909 года из Екатеринбургской Духовной Консистории пришел приказ о его переводе на должность священника походной церкви.

Походная церковь — особенность Богословского округа. За двадцать лет до служения отца Аркадия благочинный 5-го округа Верхотурского уезда сообщил епархиальному начальству о крайней необходимости для округа, занимающего пространство в тридцать тысяч квадратных верст, иметь разъездной походный причт, который бы помогал духовно окормлять разбросанное по

рудникам и приискам население края. В донесении указывалось, что рабочие приисков, живя вдали от храмов Божиих, лишены возможности удовлетворять религиозные потребности, они остаются без пастырского надзора, по целым годам не слыша слова Божия. Указывалось также и на то, что приходские храмы в округе отстоят друг от друга на пятьдесят верст и более, и потому в случае болезни священника или его отсутствия в приходе командировать туда входящих священников весьма затруднительно, тем более что большинство приходов одноштатные.

В ответ на это донесение епархиальное начальство стало ходатайствовать перед Святейшим Синодом об открытии походного штата на севере Верхотурского края. Это ходатайство увенчалось успехом. На содержание походного штата в составе священника и псаломщика были отпущены средства — одна тысяча шестьсот рублей. Местный Комитет Православного Миссионерского Общества соорудил походный храм, который был передан в распоряжение походного причта с тем, чтобы он совершал разъезды по северу Верхотурского уезда и не оставлял без своего попечения тот десяток вогульских юрт, который еще сохранился на Лозьве.

За двадцать лет существования этого походного причта несколько раз менялись архипастыри, менялись и требования, предъявлявшиеся к причту. То от него требовали, чтобы он помогал приходским священникам, переезжая из прихода в приход, то, чтобы он находился безотлучно где-нибудь на

перекрестке дорог, по которым зимой иногда проезжают на оленях вогулы; и чуть ли даже не предполагалось, чтобы священник учил вогул занятию огородничеством на ферме, которую планировали создать в ста верстах севернее Никито-Ивделя (срубы для этой фермы, поставленные на средства Комитета, до сих пор напоминают о тех временах).

Отец Аркадий вступил в должность походного священника 18 января 1910 года и 25 января совершил свое первое служение. Походный храм установили в часовне деревни Денежкиной по случаю праздника в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Вот что пишет отец Аркадий в своих заметках:

«Деревня эта принадлежит к приходу церкви села Петропавловского. В этом приходе я числился за отсутствием местного священника... входящим священником, и, таким образом, все поездки мои, носящие миссионерский характер, тесно связаны с обслуживанием религиозных нужд и этого, самого обширного по пространству, северного прихода Екатеринбургской епархии, и не могут быть обособлены. Большая часть населения этого прихода... лишь недавно считалась еще в ведении Комитета, и здесь с целью православной миссии в деревнях Лаче и Митяевой имелись миссионерские школы, оказавшие громадную услугу делу просвещения инородческого вогульского населения, ныне уже обрусевшего и переведенного правительством на положение государственных крестьян, хотя в

отдаленных деревнях этот край и сохраняет еще свой природный язык, а также, к сожалению, и многие суеверия, остатки прежнего язычества.

В день своего первого служения в походной церкви, 25 января, мною была исполнена первая треба по должности походного священника — это повенчание брака ясачного вогула Федора Тишкина из аула Сидней Туринского уезда Тобольской губернии, [аула], уже давно (более 6 лет) забытого в отношении личного посещения его местным священником за дальностью... расстояния от прихода и малочисленностью населения»[5].

В отчете за 1910 год для Комитета отец Аркадий подробно рассказывает о своем служении и о тех трудностях, с которыми столкнулся:

«23 января я выехал в деревню Петропавловского прихода Денежкину с походною церковью, где при моем участии 25 января в день праздника местной часовни приходским священником К. Минервиным была отслужена литургия, а 26 числа утренняя и литургия были отслужены походным причтом специально для причащения младенцев в силу тесноты часовни...

Из деревни этой я проехал в село Ивановское, где у местного священника Максимова заручился разрешением совершить бдение и литургию 30 января в часовне деревни... Петровой, что и исполнил. За литургией было очень много молящихся, особенно женщин, принесших к причащению своих детей, и ученики церковно-приходской школы с

учительницей. 2 февраля... я служил литургию в часовне деревни Волчанка (прииск) прихода Турьинских рудников, также причастил младенцев, а после литургии при сборке церкви по просьбе учительницы преподавал ученикам старшего отделения Волчанского земского училища наглядные разъяснения о храме, степенях священства, Таинстве Святой Евхаристии, священнических облачениях, утвари, внутреннем различии различных моментов церковного богослужения, особенно литургии...

Из деревни Волчанка в виду жесточайших морозов (от 30 до 45 градусов), все время стоявших, что при путешествии на одной своей лошади и с церковью очень затрудняло ход, мне с причтом пришлось проехать прямо, никуда более не заезжая (109 верст)... в Никито-Ивдель, куда я доехал к 5 февраля. Всего с 24 декабря я сделал проезда до 1135 верст.

<...> 18–19 января и 20 и 21 февраля я принимал у себя на квартире многих из инородцев — вогул, остяков и архангельских зырян, которые приходили ко мне... просто повидаться, а некоторые по делу. Были печорцы — поморцы русские, приехавшие за 300 верст, чтобы посоветоваться о том, как и куда им обращаться за ходатайством о наделе землею, и сколько мог я старался каждого удовлетворить, обласкать и, смею думать я, что это направление я избрал вполне правильно, ибо прием, добродушие и ласка лучше мне послужат в деле моем, чем строгость, порицание и осуждение, а тем более брезгливость к внешней нечистоте своих прихожан инородцев.

<...> Подводя... итог годовой своей деятельности по должности походного священника... я все же кое-что успел сделать для того, чтобы... следующий год... службы... был для меня менее тернист, и хочется верить, что при поддержке Комитета я не остановлюсь на полпути, не опущу рук в бессилии, а, напротив, выше, смелее над головой своей понесу среди ночи невежества светильник, имя которому Учение Христово, а с ним знание. Главное, [на] что я считаю необходимым направить свое особое старание — это на борьбу с поголовным пьянством инородцев, доводящим их до безумия, и те меры борьбы, которые я сейчас вырабатываю... я постараюсь... представить особым докладом Комитету для рассмотрения и дополнения нужными указаниями»[6].

Служа походным священником, отец Аркадий всецело предался возложенному на него делу. Сильно сокрушался он, встречая неодобрение, непонимание и даже насмешки со стороны людей, в том числе его братьев — сослуживцев. Они не верили ему, считали, что молодой священник, располагая такими большими суммами, которые выделяет ему Комитет, присваивает их себе, если и не все, то хотя бы какую-то их часть. Чтобы не потерять расположение своего епархиального начальства, от которого всецело зависело дело миссии, отец Аркадий был вынужден писать подробные отчеты о своей деятельности. Например, к тому же отчету за 1910 год священнику пришлось приложить «особую ведомость произведенных по делу расходов из личных средств». Он пишет: «...я всепокорнейшее прошу Комитет

обратить внимание свое на то, что личные затраты мои в итоге превышают не десятки, а даже сто рублей, между тем как при превышающей почти городскую дороговизну жизни в Никито-Ивделе, для меня иногда десять рублей составляют капитал, и я или должен вынужденно бездействовать, или затрачивать очень значительные свои средства на продолжение дела, что и привело меня сейчас к большой задолженности, каковое обстоятельство меня весьма угнетает»[7].

Комитет Православного Миссионерского Общества не смог долго оказывать материальную помощь молодому священнику и его походной церкви. Причиной тому стал неурожай трав и хлебов в 1911 году, сильно подорвавший экономическое положение крестьян и ставший причиной уменьшения денежных поступлений в Комитет: «...положение крестьян в течение первых восьми месяцев 1912 года было настолько тяжелым, что со стороны уездных земств, Красного Креста и правительства оказывалась населению значительная продовольственная помощь. Население страдало от голода. Духовенство в местах, охваченных неурожаем, испытывало также тяжелое положение и вынуждено было пользоваться пособием от Св[ятейшего] Синода и местного епархиального попечительства о бедных духовного звания... При таких условиях понижение денежных поступлений в кассу Комитета является вполне понятным, но собранием было обращено внимание на то обстоятельство, что по некоторым благочиниям... Екатеринбургского уезда... совершенно нет

поступлений членских взносов, в виду чего постановлено обратиться к... благочинным с особым напоминанием о более сочувственном отношении к святому делу православной миссии»[8].

Перестав получать какую-либо поддержку от Комитета для своей деятельности, отец Аркадий подал прошение о переводе, и 3 октября 1912 года был переведен в церковь Никито-Ивдельского села Верхотурского уезда.

После ухода отца Аркадия с должности священника походной церкви миссионерская работа ее начала стремительно угасать, а с 1915 года совсем прекратилась, причт стал существовать оседло, не совершая поездок к вогулам. Отец же Аркадий не оставил своих подопечных, давая им приют у себя в квартире во время их приездов в Никито-Ивдель. Его двор в 1913 году часто служил местом стоянки вогулов, а вместе с тем и аудиторией для бесед с ними. Об этом отец Аркадий пишет в своих заметках:

«Был разгар охоты на белку и лося, так как только что выпал первый снег, и вогулы (из двух юрт) зашли в Никито-Ивдель за возобновлением запасов пороха и дрови.

Эта последняя моя беседа с ними была особенно оживлена и приятна как для меня, так и для них, моих гостей, ибо... я душевно был рад этим моим собеседникам, которым я мог с пользою для них передать свои впечатления в связи с жизнеописанием св[ятого] праведника Верхотурского, что я с успехом и сделал»[9].

В Никито-Ивдельском селе отец Аркадий, как и раньше, был законоучителем в местном двухклассном училище.

5 января 1914 года у него умирает отец, заштатный священник Каменского завода Николай Гаряев.

27 февраля 1914 года отец Аркадий был переведен священником Свято-Николаевского храма в село Боровское[10] Камышловского уезда. Это село стало последним местом его служения.

В июле 1918 года был подписан приказ о создании полка, получившего впоследствии название «Красные орлы». Характерной особенностью его стал особый почерк: часто бойцы его не расстреливали своих жертв, а рубили шашками или насаживали на штыки, заставляя мучиться при кончине. Кроме отрядов местной бедноты и дезертировавших с фронта солдат, в полк входили военные отряды китайцев и мадьяр.

1/14 июля того же года отец Аркадий проводил венчание двух пар молодоженов. Троекратно обводя вокруг аналая венчающихся, священник по обычаю пел, прославляя святых мучеников: «Святии мученицы, добре страдавшие и венчавшиися, молитесь ко Господу, да избавит нас от беззаконий наших...» В торжественные минуты Таинства он воздавал Богу хвалебную песнь: «Слава Тебе Христе Боже, апостолов похвало и мучеников радование, ихже проповедь, Троице Единосущная».

Звон церковных колоколов привлек внимание банды мадьяр, они ворвались в храм. Обвинив священника

в контрреволюционной деятельности, красноармейцы отвели его к большим оврагам (ныне это место называется Поповскими ямами) и там заставили рыть себе могилу. После того, как могила была вырыта глубиною лишь поларшина[11], отец Аркадий по приказанию убийц лег в нее вниз лицом и тут же был проколот шестью штыками[12].

Хоронить отца Аркадия красноармейцы запретили и велели отнести в падинник — место, куда сбрасывали падший скот; там его и положили, прикрыв ветками. Некоторое время спустя четыре пожилые прихожанки взяли тело священномученика. Его похоронили в церковной ограде, в склепе за алтарем Свято-Николаевского храма. Отпевание и погребение совершилось после прихода белогвардейцев, торжественно, в присутствии всего местного духовенства.

Прошло почти семьдесят лет после захоронения священномученика, прежде чем настоятель Свято-Николаевского храма священник Александр Никулин открыл гробницу. Вот что он об этом сообщает:

«В 1986 году... наткнулись на кирпичную кладку гробницы на глубине двух метров, в воздухе распространилось обильное благоухание. <...> После расспроса старых прихожан мы узнали, что это могила отца Аркадия Горяева. Вскоре, благодаря данным Зарубежной Церкви, стала известной дата его мученической кончины. И с этого времени в день его памяти стали служить великую панихиду и пропевать песнопения новомученикам и

исповедникам Российским. <...> В 2002 году по некоей благовидной причине вновь был прорыт ход к гробнице отца Аркадия. На сей раз из гробницы был аккуратно вынут один кирпич, и все присутствовавшие увидели прекрасно сохранившийся сосновый гроб, покрытый местами облупившейся зеленой краской. При июльской жаре в течение двух недель от гроба исходило тонкое благоухание. На гробницу поставили икону Святой Троицы и зажгли лампаду. Многие молились и прикладывались к очевидной святыне. Одна женщина исцелилась от своего недуга».

В 2002 году отец Аркадий Гаряев был причислен к Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. В июне 2007 года были обретены его святые мощи, которые ныне почивают в монастыре Похвалы Божией Матери, расположенном в селе Боровском.

Источники

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16854.

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780.

Клировая ведомость Николаевской церкви села Боровского, 1915–1917 гг. Архив Екатеринбургской православной духовной семинарии.

Клировая ведомость Покровской церкви Горнощитского села, 1891. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 43.

Памятная книга Пермской губернии на 1880 год.

Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1904 год. Екатеринбург, 1904.

Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1905 год. Екатеринбург, 1905.

Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург, 1909.

Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1887; 1892. № 3, 27–29; 1894. № 29; 1895. № 22; 1896. № 26; 1908. № 27, 35; 1909 № 15, 31, 33, 37, 39; 1910. № 1–2; 1911; 1912 № 9, 42; 1913. № 41–42; 1914. № 9; 1915. № 38; 1917. № 17.

Известия Екатеринбургской Церкви. 1918.

Пермские епархиальные ведомости. 1881.

[1] Печатается по материалам: Житие священномученика Аркадия Гаряева, пресвитера Боровского / сост. Г. А. Кротова, А. В. Печерин. Екатеринбург, 2007.

[2] Ныне город Североуральск.

[3] С далекого прошлого до начала XVII века территория, которую ныне занимает Североуральский и соседние с ним районы, была частью земли Югорской (Югра) — земли народа манси. Первоначально обитавший по обоим склонам Урала и к востоку от него, этот народ до 30-х годов прошлого века называли вогулами (вогуличи). С появлением народа коми и проникновением сюда новгородских «охочих людей» — ушкуйников, уральские вогуличи отступили на восточный склон Урала и заняли земли от бассейна Северной Сосьвы до

южных границ современной Свердловской области. Жили семьями по берегам рек и речек в паулях и юртах, занимались охотой и рыболовством, а манси Северного Урала (позднее) — оленеводством.

[4] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. № 33. С. 500–504.

[5] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 2. С. 597.

[6] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1911. С. 270–279.

[7] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1911. С. 278–279.

[8] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 41. С. 975.

[9] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 42. С. 13.

[10] Ныне Катайский район Курганской области.

[11] 1 аршин составляет 0,711 м, следовательно, могила была вырыта глубиной лишь в 35 см.

[12] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 125.

